

Предисловие

РАЗГАДКА КРИПТОНА

Вторая мировая война расколола надвое не только историю двадцатого столетия в целом, но и жизни десятков миллионов людей, так или иначе затронутых этим беспрецедентным по своим масштабам событием. Для многих из них жизнь переменялась навсегда, распавшись на «до» и «после». Их судьбы сложились по-разному, о чем свидетельствуют многочисленные документы, мемуары и научные исследования, в которых делается попытка осмыслить опыт этого поколения, захваченного водоворотом истории.

Одной из тем, сравнительно в меньшей степени затронутой общественным вниманием, стали судьбы представителей второй волны русской эмиграции — тех людей, которые в период войны в силу различных обстоятельств оказались на территориях, захваченных немецкими войсками, затем, в послевоенный период, получили статус перемещенных лиц (или, как их обычно называли, «ди-пи», от английского DP — *displaced persons*, «перемещенные лица»), а впоследствии оказались в самых разных уголках мира — от Германии и США до Аргентины и Австралии.

Одним из тех, чью судьбу можно счесть во многом типичной для русских эмигрантов второй волны, стал Константин Криптон.

Это, конечно же, псевдоним, причем довольно прозрачный, происходящий от греческого «*криптос*» — скрытый, тайный. Человек, который подписывается таким псевдонимом, как бы хочет сказать, что не откроет своего настоящего имени, однако же самого факта, что это именно псевдоним, скрывать не собирается. Есть в таком подходе даже какая-то бравада, какой-то вызов: да, это выдуманное имя, загадка — сможете ли отгадать? Последующая история дает неожиданный — во всяком случае, для самого Криптона — ответ: да, те, кто захотели, отгадать смогли.

Одним из первых, кто в недавнее время вспомнил о Константине Криптоне и его, пожалуй, самой известной книге — «Осада Ленинграда», — стал знаток истории русской эмиграции Иван Толстой, посвятивший писателю радиопередачу «О чем рассказал загадочный Криптон». Он сообщил, в частности, что в архиве историка С.П. Мельгунова ему попало написанное в 1950 году письмо, в котором человек, скрывавшийся под псевдонимом Криптон, пишет: *«Ваше имя мне известно уже много раньше, почему сообщаю Вам доверительно свои биографические данные. Я русский. Моя настоящая фамилия — Молодецкий. По своему социальному происхождению принадлежу к старой русской интеллигенции (мой прадед — архитектор времен Екатерины II). Революция захватила меня в возрасте 15 лет. Свое место в СССР нашел в научной работе, став специалистом по Арктике и Сибири. Всю свою жизнь (по настоящий день) был беспартийным».*

Далее в письме говорится: *«В 1943 г. оказался за границей. В 1948 г. получил преподавательскую работу в Германии у американцев. Это дало возможность продолжать свои научные и общелитературные занятия. Выступать в печати, однако, не торопился. После окончания войны мое имя появилось в газетах Америки и других стран. Это подвергло некоторым опасностям».*

В этом письме, как сообщает Иван Толстой, настоящая фамилия автора — Молодецкий — тщательно замазана чернилами, однако ее можно прочесть на просвет. Причина, по которой адресат решил скрыть фамилию своего корреспондента, вполне обычна для той эпохи. Люди, после войны оказавшиеся за границей, да еще выступавшие в изданиях, на родине считавшихся антисоветскими, т. е. заведомо вражескими, имели веские основания опасаться как за свою собственную жизнь, так и за своих родных и близких, остававшихся в СССР. Было немало случаев, когда деятели русской эмиграции, занимавшие активную антисоветскую позицию, становились мишенями для агентов спецслужб, а в советском уголовном кодексе еще с 1930-х годов присутствовала статья «член семьи изменника родины».

Итак, на самом деле Константина Криптона звали Константин Георгиевич Молодецкий. Он родился 31 мая 1902 года. Учился в 8-й Санкт-петербургской гимназии, но окончить ее не успел и в 1918 году вместе с семьей переехал в село Пановы Кусты Тамбовской губернии, и школу окончил уже в Тамбове в 1919 году. В 1925 году стал выпускником факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета, после чего работал учителем обществоведения в школах на станции Званка (впоследствии вошедшей в состав города Волхов) и в Детском Селе Ленинградской области. В 1930 году он стал доцентом Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота. Сотрудничал он и со Всесоюзным арктическим институтом, входившим в систему Главного управления Северного морского пути, а также с другими научно-исследовательскими и учебными институтами. Стал автором многочисленных публикаций, посвященных экономическим и правовым вопросам, связанным с освоением Сибири и Арктики.

В начале войны он, как и многие жители Ленинграда, был направлен на строительство оборонительных соору-

жений — иными словами, рыл окопы на подступах к городу. Пережил самый страшный период блокады — зиму 1941—1942 годов. В 1942 году К.Г. Молодецкий вместе с сотрудниками института был эвакуирован на Северный Кавказ, который вскоре после этого был захвачен немцами. Судя по процитированному выше письму, в 1943 году он направился на запад вместе с отступающими немцами и после войны оказался в Германии.

В 1949 году он стал преподавателем расположенного в городе Гармиш-Партенкирхен Русского института сухопутных войск США¹. Этот институт, как это ни удивительно для учебного заведения, в котором готовят разведчиков, в начале 1970-х годов стал довольно широко известен в Советском Союзе — именно в нем работал сыгранный Георгием Жженовым разведчик Михаил Тульев из фильма «Судьба резидента». Сотрудничал Г.К. Молодецкий и с мюнхенским Институтом по изучению истории и культуры СССР, в котором он стал одним из основателей и в котором работали многие видные деятели антисоветской эмиграции, в частности Н.А. Троицкий и А.Г. Авторханов.

В июне 1951 года он с женой, сопровождавшей его все это время, переехал в США, где преподавал сначала в Дартмутском колледже, а затем в Русском институте Колумбийского университета². В 1958 году он стал доцентом Института современных российских исследований Фордемского университета в Нью-Йорке³, где и проработал до выхода на пенсию в 1970 году. Скончался К.Г. Молодецкий 15 января 1994 года в городе Лейквуд, штат Нью-Джерси, в возрасте 91 года.

¹ Ехнова В.Г. Русский институт в Гармише и его русские сотрудники // Диппийцы. Материалы и исследования. М., 2021. С. 35.

² Vassar Miscellany News, Volume XXXX, Number 15 (15 February 1956).

³ Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. Cambridge University Press, Vol. 17, No. 3 (Oct., 1958), p. 392.

В США К.Г. Молодецкий вел активную научную и общественную жизнь, много выступал с лекциями, опубликовал множество научных статей и ряд книг. Помимо «Осады Ленинграда», вышедшей в 1952 году в Издательстве им. Чехова — крупнейшем эмигрантском издательстве того времени, — у него вышли книги «Северный морской путь: его место в российской экономической истории до 1917 года» (1953 год, на английском языке), «Северный морской путь и экономика Советского Севера» (1956 год, на английском языке) и «История советского образования и его изучения в США» (1978 год, на русском языке). Все эти книги К.Г. Молодецкий опубликовал под псевдонимом Константин Криптон. В 1970—1980-х годах им был опубликован также ряд статей по истории церкви в журналах «Православная Русь», «Вестник русского студенческого христианского движения» и «Континент».

Выше уже говорилось о причинах, по которым использование псевдонима могло показаться необходимым. Следует, однако, сказать и о том, что это «таинственное» имя не было такой уж тайной. В американских газетах нередко указывалась его настоящая фамилия — Молодецкий, при этом тут же подчас сообщалось, что публикуется он под псевдонимом Криптон. Не было секретом настоящее имя автора и в Советском Союзе. В 1957 году Комиссия по проблемам Севера Академии наук СССР опубликовала сборник статей «Летопись Севера»⁴, и в предваряющей этот сборник заметке «От редакции» неожиданно встречается упоминание Криптона:

«Знаменательно, что проблемам географических открытий и исследований на Севере, и особенно на Совет-

⁴ Летопись Севера. Ежегодник по вопросам исторической географии, истории географических открытий и исследований на Севере. Т. 2. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

ском Севере, уделяется много внимания не только в нашей стране, но и за рубежом. В США исполнительный комитет по изучению Советского Союза в составе видных профессоров США (директор Филипп Е. Мослей, вице-директор Александр Далин) ведет специальные работы по истории Северного морского пути и его роли в советской экономике. В 1953 году комитетом выпущена книга Константина Криптона (К. Молодецкого) “The Northern Sea Route, its place in Russian economic history before 1917”. В 1956 г. Издана вторая книга этого исследования, посвященная работам послереволюционного периода⁵.

Как видно из этого отрывка, подлинная фамилия Криптона уже через десять лет после войны вовсе не была тайной даже для советских ученых-полярников. Любопытно, что в 1957 году в советском официальном (пусть и специализированном) издании в нейтрально-благожелательном контексте упоминается человек с подобной биографией. При этом для редакции «Летописи Севера» это был не просто некий американский исследователь русского происхождения, а их бывший коллега, которого они хорошо знали лично.

И все же самой известной книгой Константина Криптона — хотя и почти забытой на долгие годы — стала именно «Осада Ленинграда». В ней автор с холодной отстраненностью ученого фиксирует то, что ему кажется наиболее важным, наиболее значимым для анализа этой темы — начиная с советско-финской войны и настроений ленинградцев в этот период и заканчивая эвакуацией в 1942 году. При этом сквозь эту отстраненность постоянно слышится подлинно человеческий голос свидетеля, наблюдающего всю чудовищность разворачивающейся трагедии, и непосредственного участника, обладающего собственным взглядом на происходящие события.

⁵ Летопись Севера. С. 3.

Как и полагается настоящему ученому, Криптон начинает свое повествование о блокаде Ленинграда не с описания самих событий и даже не с начала войны, а обращается к истории вопроса и анализирует предшествующий период, а именно ситуацию в Ленинграде во время финской кампании 1939–1940 годов и зимы 1940–1941 годов. Именно в этих событиях, по мнению автора, можно разглядеть корни того, что в итоге привело к положению, сложившемуся в Ленинграде в первый год войны. Так, например, он отмечает, что «начало финской кампании ознаменовалось тем, что очереди за сахаром и маслом, насчитывавшие сотни, стали насчитывать тысячи людей», и ему с женой — как и многим другим ленинградцам, в течение всего этого периода пришлось обходиться без этих продуктов. Приводит он и другие свидетельства времени, которые особенно ценны тем, что принадлежат очевидцу. Например, несмотря на патриотический подъем в обществе, власти старались не допускать контакта между горожанами и ранеными красноармейцами, проходившими лечение в ленинградских больницах. Интересно также свидетельство о том, что в 1941 году ощущение грядущей войны носилось в воздухе, причем это относилось не только к тем, кто внимательно следил за новостями и анализировал международные события, а к самым простым людям. Поразительно, что 15 июня о будущей войне с уверенностью говорила даже прачка, сетовавшая на сложности с сушкой белья: «Все чердаки ломают, война, говорят, скоро будет. Хотят предупредить пожары от бомбежек».

Весьма интересны и многочисленные наблюдения автора за языком эпохи, что также добавляет дополнительное измерение к ее пониманию. Например, автор неоднократно подчеркивает, что в советской печати запрещалось использовать слово «война» в отношении финской кампании, вместо этого указанные события строго предписывалось называть «военными действиями». Когда же

речь заходит о народном ополчении в первые дни войны, мы узнаем, что первоначально эти формирования назывались «демократическая армия по обороне Ленинграда», а «народным ополчением» стали называться лишь спустя несколько дней.

Вообще, следует отметить, что метод, который Криптон использует для своего повествования о жизни Ленинграда в течение первого года войны, довольно необычен. С одной стороны, он описывает положение дел несколько академично, приводя конкретные цифры или анализируя социальные страты советского общества и их отношение к власти или к происходящим событиям. С другой стороны, он приводит конкретные наблюдения и случаи, с которыми он сталкивался непосредственно, благодаря чему книга получает глубокое человеческое измерение. Описание блокадного города, умирающего от голода, нельзя читать без содрогания и невозможно пересказать. И здесь важно также отметить язык автора, меткость его наблюдений и подход к повествованию. Рассказывая о том или ином случае, автор создает, казалось бы, простой и цельный рассказ. И когда читателю кажется, что рассказ закончен, автор добавляет деталь, которая придает тексту дополнительное — и нередко погружающее в пучину отчаяния — измерение. Например, он рассказывает об одинокой старухе, единственным утешением и смыслом жизни которой была такая же старая собака. Когда в один из дней в голодном декабре 1941 года она вышла с собакой на улицу, на нее напала группа людей, причем одни из них пытались вырвать собаку, а другие — кожаный поводок, чтобы съесть и его. Этот случай сам по себе говорит о том, до какой бездны может довести голод. Прохожие, ставшие свидетелями этой сцены, вступились, и старуха со своей собакой благополучно вернулась домой. И это говорит о том, что даже в этих чудовищных условиях многие люди сохраняли достоинство и благородство. Казалось бы, на этом рассказ можно было бы и закончить — в нем есть

и сюжет, и мораль, и развязка, но автору известны все факты, и он с бесстрастностью честного свидетеля добавляет, что еще через 3—4 недели старуха съела собаку сама.

Рассказывая о настроениях населения, Криптон охватывает весь спектр мнений, бытовавших в то время. Были те, кто неизменно верил советской власти, были и те, кто ненавидел большевиков и с некоторой надеждой ожидал прихода немцев: «Хуже, чем есть, не будет, а хоть церкви-то разрешат иметь и Богу молиться». Один из таких людей, крупный специалист, которого должны были эвакуировать в первые дни войны, несколько раз на аэродроме имитировал сердечный приступ, и из-за этого вся его семья оставалась в городе. Криптон бесстрастно сообщает читателю, чем все закончилось: «Так он и остался в Ленинграде, о чем сильно пожалел месяца через три. Немцы города не взяли, а сын его умер от голода».

Тот же прием с дополнительной фразой в конце рассказа, которая придает всему повествованию еще один смысл, Криптон использует и на уровне книги в целом. Если взглянуть на оглавление, то общая структура «Осады Ленинграда» выглядит вполне прямолинейной и последовательной: автор начинает с описания довоенной ситуации, затем посвящает отдельную главу одному дню — 22 июня, после чего переходит к рассказу о народном ополчении, приближении немецких войск, началу блокады и заканчивает главой под названием «Гибель ленинградского населения». Казалось бы, сама логика событий делает эту главу последней, ибо что может произойти после смерти? Но автор и тут остается верен себе и добавляет еще одну — аналитическую — главу, не оставляющую надежды: «Историческая неизбежность гибели ленинградского населения».

Криптон неоднократно отмечает стоицизм ленинградцев, сопоставимый с античными образцами. В конце книги он напрямую уподобляет погибающих жителей Ленинграда «тому спартанскому мальчику, у которого лисица

прогрызла под одеждой живот, но он умер, не проронив ни слова и не выдав своих страданий». Но и в этом случае он, говоря о мужестве людей, с горечью и некоторым сарказмом отмечает: «Что же касается ленинградского населения, то оно умирало с исключительной выдержкой, не доставив какой-либо специальной тревоги своему правительству».

«Осада Ленинграда» Константина Криптона — это очень важная книга, которая добавляет много нового и неожиданного к тому, что было сказано о трагедии Ленинграда. Хотя имя и судьба автора оказались почти забытыми, причиной тому стал не выбранный им таинственный псевдоним, а, в первую очередь, время. Однако времена имеют свойство меняться, и новая публикация книги Константина Криптона является тому свидетельством.

Олег Чуйков

К. КРИПТОН

Осада Ленинграда

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк

Обложка книги «Осада Ленинграда», впервые вышедшей в 1952 г. в американском «Издательстве имени Чехова».

*От автора
Криптон*

Автограф, оставленный автором в одном из экземпляров книги.

Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов подписывает договор о дружбе и границе между СССР и Германией (пакт Молотова — Риббентропа). Среди присутствующих: И.В. Сталин, переводчик МИД В.Н. Павлов. 23.08.1939.
©М.М. Калашников

Политрук читает приказ Главного командования Красной армии: «Ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины, войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов». Северо-западная граница СССР, 30.11.1939.
©Федор Левшин/РИА Новости

Трудящиеся Ленинграда слушают сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз. 22.06.1941.
©Борис Лосин/РИА Новости

Установка аэростата воздушного загрязнения на Невском проспекте в Ленинграде в дни блокады. 19.09.1941.
©Борис Кудояров/РИА Новости

Эвакуация детей из блокадного Ленинграда. 10.09.1941.
©Всеволод Тарасевич/РИА Новости

На улице Глазовской (в настоящее время ул. Константина Заслонова) в Ленинграде после окончания немецкого артобстрела. Справа от разрушенного дома — магазин № 57 Фрунзенского района.

©Всеволод Тарасевич/РИА Новости

Всеобщее военное обучение (всевообуч) жителей Ленинграда на площади у Александринского театра. Октябрь 1941 года.

©РИА Новости